

Фань-фань тихо ответил:

— Папа сказал, что будет дома читать книги, и просил не мешать ему отдыхать.

Цзян Най на мгновение задумался, чувствуя, что уловил суть:

— Выходит, Фань-фань и Чжоу-чжоу хотят поиграть вместе с папой?

Фань-фань закусил губу и кивнул, а его робкое, полное детской сдержанности выражение заставило сердце Цзян Ная сжаться от жалости.

Он взял ручонки обоих малышей и спрятал в своих ладонях. Крошечные, мягкие — они вызывали такое умиление, что их не хотелось выпускать.

Разве это было чем-то стыдным, о чем нельзя сказать вслух?

— Папа, ты плохо себя чувствуешь, тебе сейчас нужно отдохнуть. Мы с Чжоу-чжоу можем просто пойти наверх почтить.

Не успел Цзян Най сказать и пары успокаивающих слов, как Фань-цзай уже сам всё решил за себя и Чжоу-чжоу. И хотя на душе у него было немного грустно, он изо всех сил старался делать вид, что ему всё равно.

Цзян Най нахмурился, вспомнив, как няня только что пугала детей Фэн Чэнъянем. В голове у него зародилось смутное подозрение, и он тихо спросил малышей:

— Это вам отец сказал?

— Угу, — в унисон кивнули оба ребенка.

— Отец говорил, что нельзя мне мешать, но ведь это я хочу, чтобы вы со мной побыли! Это не помеха.

Фань-фань, видимо, немного смутился, украдкой толкнул Чжоу-цзай и знаком показал ему больше не упоминать о том, что он плакал.

Фэн Чэнъянь обычно вставал очень рано и в большинстве случаев сам вел машину; кроме обслуживающего персонала, никаких других людей здесь не замечали.

Он спал с Фань-фанем в одной палатке, прямо рядом с «Морской звездой», стоило только постучать по стеклу, как к ним подплывало множество светящихся рыбок.

Чжоу-чжоу уставился на папу большими глазами и с улыбкой произвел:

— Папа такой красивый.

Глядя в оконное стекло, Цзян Най тоже успел заметить многое.

Сегодняшняя горничная показалась Цзян Наю незнакомой.

Оказывается, его не было дома последние дни потому, что детский сад устраивал кемпинг в океанариуме. Чжоу-цзай тонким голоском во всех подробностях рассказывал папе о своем путешествии.

Если подумать, большую часть времени в этом особняке он действительно проводил запершись в своей спальне. Кроме горничной, которая во время еды заглядывала спросить, где он будет обедать — в комнате или в гостиной, — его и в самом деле никто не тревожил.

Жаль только, что он потерял память.

Малыши опустили головы. Один посмотрел на другого, тот — в ответ, словно не зная, как ответить на этот вопрос. Наконец Фань-фань набрался храбрости и произвел:

— Отец говорил, что хорошие дети — те, кто не доставляет хлопот другим, и тем более нельзя просто так капризничать. А Чжоу-чжоу только что столкнул миску со стола.

Но, подумав об этом с другой стороны, Цзян Най нашел такое послушание детей несколько неправильным — от всего этого оставалось странное, неприятное ощущение.

Стоять в углу, бить по ладоням — разве это не телесные наказания? Услышав такое, Цзян Най подумал, что методы воспитания этого господина Фэна просто отвратительны.

Даже Фэн Чэнъянь держался от него на расстоянии.

Пришлось убрать со стола, умыть детей — мало того что они перепачкались едой, так еще и ревели оба, вымазавшись как парочка чумазных котят, да и одежду им обоим теперь нужно переодеть.

Если бы сегодня случайно не встретился он, как бы дети справились с этим? И что было бы с ожогом на руке Фань-фаня?

Ума не приложу, как безответственные люди могут заводить таких послушных и милых ангелочков, да еще сразу двоих.

Цзян Най сидел на ковре, собирая с детьми лего и слушая их истории про детский сад.

Малыши склонили головы друг к другу, и пока собеседник что-то увлеченно рассказывал, Чжоу-чжоу принялся жаловаться детским, плаксивым голоском:

— Она обожгла Фань-фаня руку! Фань-фаня тогда так плакал!

На сердце у него заскреблись странные чувства. По идее, человек, оправившийся от болезни лишь недавно, должен чувствовать заботу Фэн Чэньяня, раз тот отдал такие трепетные распоряжения.

Цзян Най подбодрил их, звонко чмокнул каждого в щечку и с радостной улыбкой произвел:

— Конечно же!

Требовать от ребенка беспрекословного послушания — проще уж завести плюшевую игрушку. Зачем вообще рожать детей, если у тебя такие запросы?

Его живописный рассказ вызвал улыбку на лице Цзян Ная. Похоже, он вернулся не вовремя — как раз начались мероприятия в детском саду, из-за чего он целую неделю не видел детей.

В доме постоянно жили три женщины и один водитель, они размещались в том маленьком особняке позади. Иногда Цзян Най видел, как они приносили огромные пакеты с покупками, а порой стучали в дверь, чтобы спросить, будет ли он ужинать в комнате или в гостиной.

Он задал вопрос заново:

— Сколько времени та тетя за вами ухаживает? И почему вы не сказали отцу, когда вас ошпарили?

Прижатый к груди комочек снова бросился на него, и в комнате мгновенно распогодилось. Цзян Най услышал радостный детский голосок:

— Папа самый лучший! Больше всех-всех люблю папу!

Чжоу-чжоу отложил детальки в сторону, приподнялся с ковра и, покачиваясь, направился к дивану, откуда достал из рюкзака с изображением медвежонка телефон.

Фань-цзай водрузил дымоход на крышу почти достроенного домика, как вдруг в комнате раздался звонок, заставивший Цзян Ная вздрогнуть и вернуться к реальности.

Чжоу-чжоу нажал кнопку ответа, звонок умолк, и он послушно поприветствовал того, кто был на линии:

— Отец, доброе утро.

При этих мыслях у него возникло еще больше претензий к Фэн Чэнъяню: как можно было доверить воспитание трехлетних малышей няне, даже не удосужившись проверить ее моральный облик?

Чжоу-чжоу ничего не отвечал, на его белолицом личике играла улыбка, а в детских глазах прятались целые созвездия.

Вытерев лицо полотенцем, Чжоу-чжоу указал папе на тюбик с детским кремом. Цзян Най бережно намазал щечки двойняшек, и после всех процедур перед ним снова красовались две ароматные милашки-ангелочка.

Прижатые папой к груди малыши с недоверием подняли головы, глядя на него глазами, полными слез:

— Папа, ты правда можешь поиграть с нами?

Кто знает, было ли это простым совпадением, но благодаря этим дням одиночества Цзян Най больше не испытывал того панического страха, как в первые минуты после пробуждения.

Аппарат оказался небольшим, детям было легко держать его в руках. По форме он напоминал скорее рацию, чем телефон.

Это Фэн Чэнъянь?

Цзян Най рассмеялся от его слов, легонько щелкнул мальчика по носу и с улыбкой спросил:

— Чей это малыш такой сладкоголосый?

— Отец...

Сердце Цзян Ная пронзила боль. Он обнял обоих детей и, не раздумывая, произвел:

— Папа вовсе не считает это хлопотами. Папа хочет, чтобы вы побыли с ним.

Совсем мозги набекрень? Как он мог выбрать детям столь безответственного отца?

— Если поймают, заставят переписывать иероглифы и зубрить наизусть стоя, — с заметным страхом произвел Чжоу-чжоу. — Отец иногда бывает очень страшным, может и по рукам отхлестнуть — и Фань-фаня, и меня.

Оба ребенка провели Цзян Най в свою игровую комнату. На полу там лежал мягкий ковер, было полно самых разных игрушек, а еще стоял небольшой диванчик для отдыха.

Тут же сменив Чжоу-чжоу, Фань-цзай взял трубку:

— Папа умыл меня и помазал мазью, стало так холодно... Угу! Сейчас уже совсем не болит!

Цзян Най приподнял брови: один побежал жаловаться милым голоском, а второй тут же принялся уверять, что ему совсем не больно. Поведение детей совсем не походило на то, будто у них плохие отношения с отцом.

Ох уж эти малыши, оба мастера понежничать.

Взглянув на них еще раз, он увидел, что Фань-фань, продолжая говорить по телефону, семенящими шажками подбежал к нему, протянул аппарат и сияющими глазами произвел:

— Отец говорит, что хочет кое о чем поговорить с папой.

Цзян Най заколебался: ему сейчас совершенно не хотелось иметь дело с Фэн Чэньянем. И без того их отношения были более чем неловкими, а тут еще и дети рядом — от одной мысли об этом ему хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Но дети не понимали сложных взрослых интриг. Счастливый Фань-цзай просто всунул телефон прямо в руки папе, попутно отчитываясь собеседнику на том конце:

— Я уже отдал телефон папе!

Делать было нечего, Цзян Най приложил аппарат к уху и с запинкой поздоровался:

— Алло, здравствуйте, господин Фэн.

— Най-най, доброе утро.

Цзян Най оцепенел с головы до ног: к голове прихлынула кровь, в глазах потемнело.

Раньше он часто слышал от помощницы повара на кухне, что у некоторых мужчин от голоса женщины беременеют. Тогда Цзян Най считал это полнейшим бредом — неужели

комплименты могут быть настолько преувеличенными?! Беременеют они, подумать только, верх абсурда, идущий вразрез с любой биологией!

Теперь же Цзян Най не решился бы так шутить: нашелся-таки человек, способный произнести несколько простейших слов так, что от них замирало сердце. Он изо всех сил старался сохранять невозмутимость, чтобы голос не слишком сильно дрожал:

— Фэ... господин Фэн, пожалуйста, не называйте меня так интимно.

В трубке воцарилось молчание. Было слышно лишь тихое дыхание, а возможно, и электрические помехи в проводе.

Сообразив, что прозвучал слишком резко, Цзян Най попытался переформулировать мысль:

— Я имею в виду, что плохо помню прошлое, так что не могли бы вы... не начинать сразу с такого... с такого...

— Хорошо.

Собеседник согласился неожиданно легко. Его низкий, чувственный голос придавал даже одному-единственному слову поистине безграничный простор для фантазии.

Цзян Най потерял дар речи, не зная, что ответить, но тут господин Фэн заговорил снова:

— Раз вы зовете меня господином Фэном, то я впредь буду звать вас господином Цзяном? Господин Цзян, мы можем продолжить разговор?

Никто и никогда прежде не разговаривал с ним подобным образом, и уж тем более никто не называл его господином Цзяном. Цзян Най был уверен, что собеседник делает это нарочно.

Однако сейчас было не время выяснять отношения из-за формы обращения — вовремя сменить тему казалось куда более разумным решением, пока собеседник не выкинул еще какой-нибудь фортель.

Фэн Чэнъянь произвел:

— Я уже знаю о том, что случилось сегодня утром. Хорошо, что господин Цзян оказался рядом, иначе нашему Фань-фаню пришлось бы туго.

«Нашему Фань-фаню» — до чего двусмысленно прозвучало. Цзян Най, уже собиравшийся высказать негодование по поводу няни, сбился с мысли:

— Да... ничего страшного не произошло, главное... волдырей не осталось.

Фэн Чэнъянь с улыбкой произвел:

— Хотя вы и отец ребенка, я все равно благодарен вам. Теперь можете позволить им поиграть самим, вам стоит побольше отдыхать.

Цзян Най повысил голос и поспешно запротестовал:

— Всё в порядке, врачи сказали, что мне можно вставать. Мне нравится быть с ними, это совсем не в тягость.

Пока взрослые разговаривали по телефону, дети потеряли всякий интерес к строительству домика — их глаза были прикованы к красивому папе.

Какой же у меня папа красивый! А когда улыбается — еще красивее.

Но присмотревшись повнимательнее, Фань-цзай вдруг заметил, что папино лицо сильно покраснело — точно так же, как у него самого, когда поднималась температура.

Он хорошо помнил, как кружилась голова, как приходилось пить горькие лекарства, а бабушка пугала уколами в больнице, если болезнь не отступит. Тогда малыш заплакал от страха.

И хотя до уколов в итоге не дошло, в его детской памяти этот случай отложился намертво, и с тех пор он твердо знал: жар означает болезнь.

Фань-фань захлопал ресницами, встал, подошел к папе и приложил маленькую ладошку к его лбу со строгим выражением лица.

Цзян Най с любопытством спросил:

— Малыш, в чем дело?

Чжоу-чжоу тоненьким голоском протянул:

— Папа, у тебя такое красное лицо! И ушки горячие... Ты случайно не заболел?

Чжоу-чжоу, только что катавшийся колбаской по ковру, со всех ног подполз к ним на четвереньках и завопил на весь дом:

— Точно! Папа, ты что, сгорел?

Слово «сгорел» прозвучало не совсем отчетливо, и при определенной доле фантазии могло послышаться совсем другое.

Из трубки донесся сдавленный смешок Фэн Чэнъяня. Цзян Най мысленно взмолился о пощаде и закрыл телефон ладонью: вся кровь прилила к голове, и ему захотелось провалиться сквозь землю.

Судя по звукам из динамика, Фэн Чэнъянь отлично представлял себе эту картину.

Цзян Най в домашней одежде, должно быть, давным-давно отставил трубку подальше или вовсе положил ее на диван или ковер самым легким, невесомым движением.

Лишь бы он не услышал ни звука.

Прямо как в поговорке о глупце, что прячет колокол, зажмурив глаза.

И наверняка сейчас из последних сил нашептывает детям, что вовсе не болен, хотя лицо от этого становится только краснее.

Детское любопытство не удовлетворишь такими слабыми отговорками, так что Цзян Най явно рисковал угодить в еще более неловкое положение.

Так и оказалось: из трубки донесся невнятный шепот — кто-то очень аккуратно, стараясь не шуметь, забрал аппарат из угла. Похоже, это был Фань-фань.

Следом раздался детский голосок:

— Отец, у папы лицо такое горячее! Он заболел? Пожалуйста, вернись поскорее!

В тонком голоске Фань-фаня слышались тревога и страх.

Отец всегда говорил, что папа — это спящая красавица из сказки, поэтому он и спит так долго. Когда розарий в папином замке сна покроется цветами, папа вернется и сможет снова обнять Фань-фаня и Чжоу-чжоу.

Но на самом деле всё было совсем не так.

Папа спал потому, что болел.

Он не мог бегать, прыгать и разговаривать.

Папа не должен болеть. Если он снова заболеет, то может опять уйти от них, и тогда некому будет целовать Фань-фаня.

А ведь он провел с папой совсем немного времени, еще толком не успев запомнить, какого тот роста, насколько большие у него глаза и какой длины пальцы.

Дети всегда способны додумать из мельчайших деталей то, о чем взрослые даже не подозревают.

Сидя в своем кабинете, Фэн Чэнъянь залпом допил кофе, принесенный помощником. Напиток обладал приятной, благородной кислинкой и долгим послевкусием. Тяжелая кружка глухо стукнула о столешницу.

Быстро пробежав глазами отчеты, он поставил подпись в самом конце документа. Помощник тут же подал расписание: на сегодня было назначено три совещания, а после ужина предстояла еще одна встреча. Всё было расписано по минутам, отчего у Фэн Чэнъяня слегка заболела голова. Вычеркнув один из пунктов, он махнул рукой, велел секретарю выйти.

Этот помощник был назначен всего два года назад — работал старательно и аккуратно, к тому же обладал редким даром улавливать настроение начальства.

Покинув кабинет, он подумал, что босс, должно быть, разговаривает по телефону.

И опираясь на свой многолетний опыт аппаратной борьбы, он мог с девяностопроцентной уверенностью заявить: шеф сейчас искренне счастлив. И это не та вежливая, но ледяная маска неприступности, с которой тот обычно встречал посторонних.

Вот только на том конце провода кто-то плакал тоненьким голосочком.

Чему тут радоваться?

Неужели шеф настолько повредился рассудком на работе, что его восприятие эмоций вышло за рамки человеческого понимания?

— Будь послушными, отец скоро вернется...

Голос по-прежнему звучал холодно, но всё же чуточку мягче, чем на совещаниях, вполне соответствуя роли главы семейства.

Помощник облегченно выдохнул: шеф действительно просто болтал с детьми дома. Значит, он все еще нормальный человек и умом не тронулся.

Многие в компании знали, что у генерального директора есть двойняшки, но почти никто не видел их мать. Сведения о супруге председателя были скудны донельзя, из-за чего деловые партнеры и топ-менеджменты, желавшие подступиться через жену директора, совершенно не понимали, с какой стороны зайти.

В кулуарах судачили, что в богатых семьях всё непросто, и мистер Фэн вполне может оказаться стильным отцом-одиночкой. Вспомнив же, что шеф только что отменил вечернюю встречу, помощник внезапно догадался: неужели господин Фэн собирается пораньше вернуться домой, чтобы почитать детям сказку на ночь?

По правде говоря, богачам живется прекрасно — ради детей они запросто могут наплевать на многомиллионные контракты.

<http://bllate.org/book/22066/2294541>